

Незримыми, но неразрывными нитями обычно связано творчество художника с его человеческой судьбой. Как это ни парадоксально звучит, но чаще всего оказываются недовольными действительностью баловни счастья, которым все кажется, что жизнь им чего-то недодала, в чем-то их обошла. Художники же трудной судьбы обладают, как правило, обостренным ощущением многокрасочности и многообразия жизни, и им особенно дорого бывает все то, что способно возбудить в человеке радость, дать ему ощущение полноты бытия.

Вот таким художником, глубоко и страстно влюбленным в «громадь» наших дней и дел, в жизнь народа, его поиски и свершения, писателем зоркого глаза и чуткого сердца представляется мне драматург и прозаик Дмитрий Зорин. Судьба его сложилась и в самом деле трудно, и удары свои обрушила она на него не до того, как выбрался он на литературную дорогу, а как раз в ту самую пору, когда журналистская и писательская слава стала одаривать его своими улыбками. Но даже и жестокие испытания не смогли истребить в Зорине его жизнелюбия, его, я сказал бы, почти языческой влюбленности в опаленные зноем степи и раздумчивые бескрайние леса, в утренние зори и вечерние росы, в травы, вымахавшие по пояс человеку, и реки, несущие в себе неисчислимые запасы могучей созидательной энергии, в древность нашу и нашу новизну — словом, во все то, из чего складываются понятия «жизнь» и «родина».

Людам, близко знающим Зорина, он кажется порой излишне резким, неуживчивым, даже нетерпимым. Нетерпимым к иному, нежели его, художническому видению мира, к взглядам, чуждым ему лично, к успеху, пришедшему, по его мнению, к кому-то без большого труда и творческой муки.

Нет ли во всех этих качествах, которые естественно скорее отнести к области человеческих недостатков, нежели достоинств, доли ревности художника, которому жизнь ничего не дает без борьбы и труда и который кропотливо, неделями и месяцами, отбирает единственные, нужные ему слова и образы, к этим самым «баловням».

Вероятно, есть. Но ведь это только в плохих книгах, спектаклях и фильмах один человек оказывается наделенным исключительно достоинствами, а другой — исключительно недостатками. Реальные человеческие характеры движимы противоречиями, и в них, характерах этих, достоинства нередко переходят в недостатки, а недостатки при определенных обстоятельствах оборачиваются достоинствами.

Так можно ли чрезмерно придирчиво судить писателя, вырванного на годы волей клеветнического доноса из родной стихии, из круга плотно обступивших его и будоражащих ум и сердце образов, за то, что иногда он в разговорах об этих образах, о своих творческих замыслах и свершениях несколько утрачивает чувство меры?

Но главное даже не в этом. А в том, что, отстаивая и утверждая свое отношение к действительности своих героев, конфликты, в которые эти герои вступают, Зорин возвышает голос против происходящей в произведениях иных литераторов подмены подлинной современности ее внешними признаками, образа реального современника — ловко скроенным сколком с него. В том, что писатель выступает против подмены в иных произведениях литературы и искусства пафоса жизнеутверждения пафосом критического отношения к нашей действительности.

Когда я думаю о Дмитрие Зорине, то прежде всего вижу его преданность теме современной деревенской новизны, огромное упорство и жесткую последовательность в художественном воплощении этой темы, его необыкновенно серьезное отношение к созидательной жизни народа, к людям труда, к их душевному строю, мыслям, чувствам, чаяниям.

Есть у Зорина небольшой рассказ «Наташенька», в котором писатель отдает дань теме городской жизни. Суть, однако, не в этом, а в отношении Наташеньки к действительности, к человеку и его призванию на земле.

Шестнадцатилетняя девушка, проводив своего друга на фронт, дружка, с которым и поцеловалась-то она в первый и единственный раз в вечер этих самых

проводов, ждет его верно и трепетно. И не просто ждет, опасаясь потерять парня, не выйти замуж. Для нее крошечные фронтовые «треугольнички», торопливо посылаемые солдатом-шофером между дел, являются «тоненькой нитью, протянутой сквозь грозную грозовую тучу в ее будущее». Получая эти «треугольнички», Наташа «взрослела, чувствовала себя более достойной, так как все, что она старалась делать людям в тяжкие годы для Родины, казалось ей маловажным, а то, что он, ее Сергей, где-то там, в огне, делало ее как бы участницей великих событий, будто там, в огне, каким-то образом была она сама. Пусть это было совсем по-девичьи, но это было ее личным, тайным, лелеемым».

Возвратившись после войны в родной город, лихой шофер, привыкший к многим «тыловым дорожным потехам», разыгрывает Наташеньку. Назначив ей свидание, он приходит на него, притворившись слепым, испытывая силу девичьего самоотвержения, а насладившись вдосталь этим самоотвержением, долго и грубо хохочет. И этот хохот обжигает Наташу, словно удар плети. И когда он «хозяйским движением хотел положить свои руки на ее плечи», девушка «не своим голосом вскрикнула».

— Не прикасайтесь!! Вы... действительно слепой! Слепой... Вы... Я все эти годы жила вами. А вы... этот смех... смех... Вы... Она еще что-то хотела сказать, но, словно испугавшись своих невысказанных слов, резко повернулась и быстро, почти бегом, пошла к мосту.

Так глупая шутка парня оборачивается человеческой драмой. Так схватываются между собой в непримиримом поединке два отношения к жизни

ИДУЩИЙ ТРУДНОЙ ДОРОГОЙ

Юр. ЗУБКОВ

ни, два взгляда на действительность, на человека.

Конфликт между созидательным и потребительским отношением к жизни составляет движущую, действенную основу и народных драм Дмитрия Зорина «Вечный источник» и «Весенний гром». Только там этот конфликт находит воплощение многоплановое и многостороннее, личное и общественное, существует там в нерасторжимом сплаве человеческих характеров и судьбы.

Народная драма — это очень точное жанровое определение каждого из этих произведений. Судьба едва еще народившейся сельскохозяйственной коммуны «Пример» в «Вечном источнике», пути, которыми пойдет дальше прославленный маршаловский колхоз в «Весеннем громе», — все это кровное дело народа, его забота, и не могут быть разрешены личные судьбы каждого из героев этих пьес вне разрешения судьбы народной.

Не выбиться им из нужды, героям «Вечного источника» — вчерашнему красноармейцу Мартыну Крутойрову и его жене Василисе, бедняку Сеньке Решке, — не объединившись своей земли и своих усилий, не получив при первых шагах своих поддержки от молодого рабоче-крестьянского государства. И это великолепно понимает хитрющий кулак Плакун, которому надо во что бы то ни стало подорвать в крестьянском сознании самую идею коммуны. Этой цели служат и затейный им кулацкий «кооператив» — «крутедь», в котором бедняк на вложенную им копейку получает копейку прибыли, а богатеи на вложенный рубль — рубль; и бабьи страхи, что будут в коммуне общие мужья и общие жены и все будут спать под одним одеялом; и грязная сплетня, пущенная Плакуной вокруг Василисы и Гарасыча, заночевавших однажды в поле во время пахоты, сплетня, приводящая в неистовство Мартына.

Глубоко личная драма бедняцкой семьи Крутойровых приобретает в итоге характер драмы политической, то есть именно драмы народной.

Боязно середняку Гарасычу отступить от дедовских устоев единоличной жизни и пойти по дороге, еще никем не проторенной и не опробованной. Хозяин, мечтающий о том, чтобы обласкать землю-матушку, получив от нее в ответ щедрую отдачу невиданными урожаями, он хочет все своими руками десять раз отмерить, прежде чем один раз отрезать. Но нет и ему пути в завтрашний день, помимо пути народного. Превратившись же в «Весеннем громе» из Гарасыча в Герасима Герасимовича Маршалова, дважды Героя Социалистического Труда, председателя богатейшего колхоза, и возм-

нив вдруг о себе как о человеке, стоящем над народом, он в конце концов начинает понимать, в каком очутился тупике, какой духовный кризис нужно ему преодолеть, чтобы вновь обрести право быть вожак колхозной массы. Таким образом, и личная драма Герасима Маршалова — это также драма политическая.

А разве можно отделить в драме, которую переживает его сноха агроном колхоза Ольга Крутойрова, сторону нравственную, интимную от стороны политической? Вынужденная идти войной против тестя, против его равнодушия к интересам людей, к потребностям и задачам колхозного движения в целом, не встречающая понимания и у мужа — ученого, забросившего практические опыты на земле ради всевозможных приемов и представительства, страдающая из-за сына, почувствовавшего себя свободным от каких бы то ни было обязательств перед жизнью, от чувства ответственности за свои поступки, Ольга ясно сознает реальную опасность подстерегающего ее женского одиночества, горьких бобыльских ночей, но не может ни на йоту поступиться своими нравственными принципами и жизненными убеждениями.

Высвечивая в многообразном потоке жизни неотделимость судьбы каждого отдельного человека от судьбы всего народа, Дмитрий Зорин одновременно чрезвычайно внимателен к нравственному миру, ко всем противоречиям и переживаниям характера этого отдельного человека. Именно в этом смысле прежде всего и следует талантливого советского писателя замечательной гуманистической традиции русской классической литературы, в меру своих сил и возможностей развивающего эту традицию. И что необходимо особо подчеркнуть: характеры людей послереволюционной деревни, создаваемые Зориным, — это типично русские национальные характеры со всеми присущими им особенностями.

«Только искусство гражданского подвига», — говорит в одной из своих статей Зорин, — способно «открыть и сформировать духовно богатые характеры, которые нужны, как светочи на пути нашего движения вперед».

Крупнейшим художественным достижением самого писателя является образ Владимира Ильича Ленина, выписанный им в драме «Вечный источник» свежо, смело и необычно.

Рисуя Ленина в самой гуще народной жизни, в круговороте событий, происходящих в одной деревне, в самом кипении человеческих страстей, Зорин более всего оттеняет в характере Владимира Ильича его воинствующую доброту и высочайшую человечность. Естественное, органическое внимание Владимира Ильича к человеку неотделимо от ленинских раздумий,

ленинских поисков по переустройству жизни народа в целом. На наших глазах в живом и непосредственном общении Ленина с народом, с людьми, самой что ни на есть повседневной действительности окончательно выкристаллизовывается знаменитый кооперативный план Ильича.

Рисуя судьбу человеческую и судьбу народную в их единстве, Зорин в финалах обеих своих пьес изменяет, на мой взгляд, самому себе, разрешая сложившиеся драматические коллизии путем искусственным. И в «Вечном источнике» бюрократ Комолов выглядит такой всемогущей фигурой, что никто в деревне не в состоянии оказать ему противодействие, и только внезапное, слабо мотивированное появление Владимира Ильича заставляет Комолова сложить оружие. И в «Весеннем громе» никто не поддерживает Ольгу Крутойрову и ее мать Василису в их борьбе с косностью и равнодушием Фомы Дурова, и только неожиданно появившийся в колхозе секретарь областного комитета партии Александр Фаддеевич обеспечивает торжество добра и посрамление зла.

Жизнь послереволюционной деревни с ее поисками новых дорог, противоречиями и борьбой нашла отражение и в романе Зорина «Перелом», вышедшем до войны и теперь почти неизвестным читателям. Роман этот, как уже было отмечено в критике, восходит к зоринскому очерку «Сибирский колхоз «Гигант», встретившему одобрение Горького, который особо высоко оценил «фактическое содержание» очерка и «силу искреннего убеждения автора в революционном значении факта, изображаемого им».

Думаю, что говорить сейчас об этом романе и поздно, и рано одновременно: автор в последние годы заново переписал его, достигнув в передаче событий, связанных с жизнью деревенской коммуны, с заблуждениями ее руководителя Сазония Петровича Федотова, с раздумьями партийного вожака коммунар Сергея Чертукова, истинного глубокого драматизма и большой художественной силы.

Коммуна! Подобно своему герою, отдал ей еще в юношеские годы свое сердце и сам писатель. И этой любви своей, постоянно развивающимся процессам жизни современной колхозной деревни, связанным с претворением в действительность вековых чаяний русского крестьянина, верен он уже не одно десятилетие.

Упрямо идет писатель раз избранной им дорогой, стремясь сделать зримыми для читателя глубинные процессы народной жизни, утвердить в его сознании неразрывность таких понятий, как труд и нравственность, личное и общественное, Родина и строительство нового мира.